Ш. Р. Кашаф

К вопросу о концепте политическое сообщество у мусульман

Кашаф Шамиль Равильевич — аспирант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член исследовательского комитета по политической коммуникативистике Российской ассоциации политической науки (e-mail: Kashaf@rane.ru).

Аннотация. В статье раскрываются вопросы становления политического сообщества, его генезиса и эволюции. Уточняется понятие концепта политическое сообщество, которое активно разрабатывается в либерально-коммунитаристском дискурсе на Западе, а также среди мусульманского сообщества стран Ближнего Востока и России.
Ключевые слова: государство, ислам, концепт, мусульманское сообщество, политический дискурс, политическое сообщество.

С политическим сообществом в современном дискурсе наиболее часто связывают синоним «политического единства общества» или «национального государства», трактуя его как конкретную форму развивающегося демократического общества. Последняя коннотация мысленно отсылает нас к одной из работ Р. Мак-Айвера, который в опубликованном в 1930 году эссе под названием «Приоритет сообщества» назвал политическое сообщество ядром стабильной демократической жизни. Американский социолог определял его как территориально укоренённый коллектив, члены которого, несмотря на плюрализм интересов отдельных индивидов и ассоциаций на данной территории, поддерживают правительство, приемлемое для них с точки зрения реализации общих целей[1].

Политическое сообщество — сравнительно новый концепт, который оказывается весьма полезным для объяснения происходящих политических процессов, в особенности связанных с демократизацией посттоталитарных государств, смены политических режимов в ряде стран Восточной Европы и арабского мира. Такие сообщества, по сути, являются центрами формирования политических идей, норм, институтов, ценностей и политической культуры в конечном итоге. На генезис и эволюционирование политических сообществ

[1] См. : *Robert MacIver on Community, Society and Power: Selected Writin /* Ed. by L. Bramson. Chicago: The University of Chicago Press, 1970. P. 30 – 31.

оказывали влияние мировые религии, традиционные и новые идеологии, драматические и бескровные политические противоборства. Политические сообщества, в последнее время активно проявляющие себя в ряде государств на Ближнем Востоке и в странах СНГ со значительным мусульманским населением, уже демонстрируют в политических процессах примеры как интегративного, так и дезинтегративного порядка.

В русском языке понятие «сообщество», как правило, означает неформальное объединение людей с одинаковыми интересами, целями без фиксированного членства. Объединение людей происходит по профессиональному, кровнородственному, этническому признаку или религиозной общности. О значимости последнего признака красноречиво высказывался А. де Токвиль, французский государственный деятель 19 века, в своем историко-политическом трактате «Демократия в Америке». «Если бы люди, живущие в демократических странах, не имели права или готовности объединяться в политических целях, — рассуждал политический мыслитель Франции, — их независимость подвергалась бы великой опасности, но они ещё долгое время могли бы сохранять свои богатства и знания; если же они не приобрели бы привычки объединяться в повседневной жизни, под угрозой оказалась бы сама политическая система, так как отдельный человек теряет возможность самостоятельно вести крупные дела, не приобретая при этом способности вести их сообща, вскоре вернётся к варварству»[1].

В современном глобализирующемся мире, формирующем качественно новый миропорядок, вновь растёт понимание опасности распада политического сообщества, необходимости поддержания определённого уровня его внутренней интеграции и солидарности. Поэтому естественно, что сегодня возникает насущная потребность исследования генезиса политического сообщества, условий стабильного и успешного его существования и развития. В связи с этим значительным подспорьем оказывается как либерально-коммунитаристский дискурс на Западе, так и дискуссии в исламских странах и в России относительно ценности существования сообществ, между которыми существуют различия во взглядах и убеждениях. Публичное использование разума как религиозными, так и нерелигиозными гражданами, на взгляд немецкого философа Ю. Хабермаса, «вполне может стимулировать совещательную политику в плюралистическом гражданском обществе и привести к извлечению семантического потенциала религиозных традиций во благо более общей политической культуре»[2].

---

[1] *Токвиль Алексис де.* Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. — М. : Прогресс, 1992. — С. 379.

[2] *Хабермас Ю.* Что такое «политическое». Рациональный смысл сомнительного наследия политической теологии // Русский журнал. URL: http://russ.ru/Mirovaya-povestka/CHto-takoe-politicheskoe (дата посещения: 01.02.2011).

На необходимость создания условий для демократической дискуссии, в ходе которой смогут быть свободно представлены все точки зрения, включая исламистскую, обращал внимание общественный и государственный деятель Туниса Мохамед Шарфи, автор солидных исследований по правовой, политической и религиозной проблематике. Поскольку «свобода и демократия неразделимы», поскольку лишь в условиях здорового климата демократического диалога возможен конструктивный выбор альтернативных решений, то не надо, по мнению М. Шарфи, препятствовать публичным выступлениям тех исламистов, которые говорят и действуют в «мирной манере»[1]. Следует однако заметить, что в рамках дисскуссии необходимо быть максимально ответственным, учитывая и то обстоятельство, что за право контролировать содержание дискурсов субъекты политики — и светские, и религиозные — ведут напряжённую конкурентную борьбу, поскольку «сила и власть дискурсов заключена также в их способности производить социальные, культурные, политические и прочие идентификации»[2].

Так, одна из конкурирующих сторон дискурса в лице представителей либерализма, победившего в идеологической и политической практике XX века, открыто критикуют сообщества, указывает на то, что понятие «сообщество» является либо политически опасным, поскольку оно может привести к нарушению индивидуальных прав и свобод, либо интеллектуально беспомощным, так как связано с коллективной идентичностью и социальными связями. По мнению либерально настроенных идеологов, они вообще являются фикцией. Есть и более жёсткая позиция либералов, которые полностью отрицают существование сообщества — для них существует только определённый набор индивидов, верящих в его наличие («воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона[3]).

Основная идея коммунитаризма — идеологии конца XX века, стремящейся к сильному гражданскому обществу, основанному на местных сообществах и неправительственных общественных организациях, а не отдельных личностях — сводится к необходимости восстановить значение «сообщества» наряду с другими либеральными ценностями. И для достижения этой цели могут быть оттеснены такие ценности, как равенство и свобода. Приверженцы коммунитаризма, видя смысл общества прежде всего в моральных ценностях и общине (сообществе), противопоставляют их государственности. Они убеж-

---

[1] *Charfi Mohamed*. Islam and Liberty. The historical misunderstanding. L. ; N. Y. , 2005. P.12. Цит. по: Барковская Е. Ю. Современное государство и традиции культуры управления в исламе: Монография. — М. : Изд-во РАГС, 2008. — С.151.

[2] *Русакова О. Ф., Максимов Д. А.* Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. — 2006. — № 4. — С.26.

[3] См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Науч. ред. Баньковская С. П. ; Пер. с англ. Николаева В. Г. ; Ин-т социологии РАН и др. — М. : КАНОН-ПРЕСС-Ц : Кучково поле, 2001.

дены, что изменение морального климата в обществе в конечном счёте приведёт к снижению уровня государственного вмешательства, сбалансированности прав и обязанностей без сползания в сторону авторитаризма[1].

Научные симпатии российских исследователей, пристально следящих за полемикой либералов и коммунитаристов, чаще оказываются на стороне последних. Наших экспертов не в меньшей мере, чем зарубежных коллег, беспокоит утрата интеграционного единства посткоммунистических обществ, ослабление общенациональной солидарности, которая особенно ясно обозначается в переходные периоды[2]. При том, что предложенная в постсоветской России либерально-консервативная модель государственного управления, как следует из материалов опроса[3] населения и экспертов, проведённого в 2009 году Институтом социальных исследований и Социологическим центром Российской академии государственной службы при Президенте РФ в 24 субъектах страны, «плохо сочетается с традициями, ценностями и идеалами, свойственными российской ментальности»[4].

В отличие от либеральных теоретиков отечественные исследователи рассматривают сообщества не как виртуально-воображаемые объекты, а реально существующие и эволюционирующие в сфере социально-политических взаимоотношений. Особое внимание ими уделяется изучению характеристик сообществ, соотношения между ними, которое предопределяет складывающийся в стране политический порядок, их взаимодействие в рамках одного политического пространства, проблеме актуализации их политического потенциала, а также наиболее значимым механизмам конструирования политических сообществ. Так, представители пермской политологической школы, издавшие в 2009 году коллективную монографию о политическом феномене сообществ, исходят из того, что политическое сообщество представляет собой социальный конструкт и продукт политической борьбы. Оно пребывает «в постоянном движении и существует лишь постольку, поскольку воспроизводится в социальных практиках и взаимодействиях»[5].

Ценность концепта «сообщества» в политических исследованиях связана с понятием «сообщественности», на что обращает наше внимание и Зигмунт

---

[1] *Etzioni A.* Too Many Rights, Too Few Responsibilities / I Nationals Forum. 1992 Winter. P. 46.

[2] *Кот В. С.* Политическое сообщество: генезис и эволюция. Теоретико-методологические проблемы. — М. : Мысль, 2004. — С. 3.

[3] См.: Результаты выборочного социологического опроса населения Российской Федерации «Социально-политические ценности в массовом сознании российского общества, их влияние на протестные настроения и на возможности диалога между субъектами политических отношений» // Социология власти. — 2009. — № 7.

[4] *Бойков В. Э.* Ценностные ориентации россиян как фактор интеграции и дезинтеграции общества // Социология власти. — 2009. — № 7. — С. 29.

[5] Сообщества как политический феномен / [Н. В. Борисова и др.]; под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — С. 21.

Бауман. Видный британский социолог определяет сообщество как «такую совокупность людей (очень неясно определённую или обозначенную), которые согласны с чем-то, что другие люди, вероятно, отвергают, и именно такую правомочность, присваиваемую их согласию вопреки всему»[1]. При этом он особо подчёркивает, что сообщество всегда есть духовное единство, представляющее общую духовную правомочность.

На критерий сплочённости в рамках сообщества прежде указывал и немецкий социолог Макс Вебер, внёсший важный вклад в разработку понятия «политическое сообщество». Социальное отношение может быть названо «общностью», утверждает он в своей работе «Основные социологические понятия», если и поскольку настроенность социального действования основывается на субъективно чувствуемой (аффективной или традиционной) сплочённости участников[2]. Понятие «политической общности», по Веберу, применимо к ассоциации, чья коллективная деятельность направлена на организованное господство над какой-либо территорией и регулирование поведения проживающих на ней лиц. Теоретический подход, позволяющий рассматривать союз между властью и обществом, реализуемый через коллективную деятельность, получил своё развитие и у Ф. Тённиса в его основополагающем труде «Общность и общество»[3].

Весьма важное разъяснение в понимании политической сущности концепта «политическое сообщество» мы находим в одном из трудов Карла Шмитта. В своей работе «Понятие политического» немецкий мыслитель рассуждал о том, что «определить понятие политического можно, лишь обнаружив и установив специфически политические категории. <...> Специфически политическое различение, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различение друга и врага. Оно даёт определение понятия через критерий, а не через исчерпывающую дефиницию или сообщение его содержания»[4].

Смысл различения друга и врага, по К. Шмитту, состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации. «Феномен «политическое» можно понять лишь через отнесение к реальной возможности разделения на группы друзей и врагов»[5]. Государству как сущностно политическому единству принадлежит право jus

---

[1] *Бауман З.* Мыслить социологически. — М. , 1996. — С. 78.

[2] См. : *Вебер М.* Основные социологические понятия // Теоретическая социология / Под ред. С. П. Баньковской. — М. : CEU, 2002. — Ч. 1. — С. 120 – 121.

[3] См. : *Тённис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. — СПб. : Владимир Даль, 2002.

[4] *Шмитт К.* Понятие политического // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г. Ю. Семигин и др. ; Ред.-науч. Совет: пред. совета Г. Ю. Семигин и др. — М. : Мысль, 1997. — С. 292 – 293.

[5] Там же. — С. 299.

belli (права войны и мира), то есть возможность и право самому определять своего врага и бороться с ним. Государство как наиважнейшее политическое единство сконцентрировало у себя невероятные полномочия: возможность вести войну и тем самым открыто распоряжаться жизнью своих граждан. Если же государство объявляет «внутреннего врага», то происходит его разрушение как политического единства — знак гражданской войны. При этом смысл всякой войны, в концепции Карла Шмитта, состоит не в том, что она ведётся за идеалы или правовые нормы, но в том, что ведётся она против действительного врага. К. Шмитт непосредственно увязал наличие политического единства с ситуацией конфликта, носящего экзистенциальный характер.

Вопросы становления политического сообщества, его генезиса и эволюции в контексте политических процессов, заложенные трудами западных учёных, были расширены, а понимание данной проблемы значительно углублено усилиями российских исследователей. В отечественной политологии повышенный интерес к концепту политического сообщества, в котором политологи признали «немалую инструментальную ценность как для эмпирического анализа политических изменений и стабильности, так и для нормативного определения вопросов эмпирического исследования»[1] возник в начале XXI века. Следует сказать, что ранее этот термин даже не был включён в число 2500 понятий, составивших первое в России энциклопедическое издание по вопросам политической науки, вышедшее в двух томах в 1999 годуг. Понятие «политическое сообщество» также не содержится в глоссарии отечественного учебника по политологии, подготовленного авторским коллективом под общей редакцией В. С. Комаровского[2]. Отсутствует данный концепт и в тезаурусе других научных изданий[3].

Обратившись к термину «концепт», о котором в свое время Ю. С. Степанов, российский филолог, академик РАН, написавший труды в области теории языка и семиотики, говорил, что концепт может восприниматься как сгусток культуры в сознании человека[4], уместно будет вспомнить еще об одной интересной работе, опубликованной специалистами в сфере философии науки и методологии социального познания С. С. Неретиной и А. П. Огурцовым в 2009 году в журнале метадисциплинарных исследований «Политическая концептология». В ней они рассматривают функции концептов политического сознания. По мнению учёных из Института философии РАН, такие функции заключаются в том, чтобы определить спектр возможностей

---

[1] *Кот В. С.* Формирование современных политических сообществ. — М. : Мысль, 2005. — С. 46.

[2] См. : Политология: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. / Под общ. ред. В. С. Комаровского. — М. : Изд-во РАГС, 2006.

[3] См. : Политология: Лексикон / Под ред. А. И. Соловьева. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

[4] См.: *Степанов Ю. С.* Концепты. Тонкая плёнка цивилизации. — М. : Языки славянских культур, 2007.

действий человека, задать его цели и осмыслить пути и средства их достижения, наметить горизонты мироотношения, мировоззрения и миропонимания. «Концепты — это не коллективное бессознательное, которое человек восприемлет и лишь воплощает в своём сознании и в своих действиях, — уточняют авторы монографии. — Концепты — это образцы, паттерны, парадигмы, порождающие модели, которые вырабатываются или осознанно воспринимаются человеком и которые могут быть модифицированы или радикально изменены»[1].

В рамках современного понимания собственно сам концепт «политическое сообщество» предлагается рассматривать как форму и способ самоорганизации индивидов в политическом процессе, социальных общностей и политико-правовых систем, объединяющихся для достижения общих целей и строящих свои взаимоотношения на основе согласия[2]. Такой подход вполне согласуется с позицией западных специалистов, считающих, что членство в политическом сообществе предполагает наличие общей цели, его участники разделяют чувства «взаимной симпатии и лояльности»; они рассматривают себя как «мы», доверяют друг другу[3].

Самоидентификация и различение, на наш взгляд, лишь усиливают политический потенциал, которым обладают различные идентичности, включая религиозные. Никогда не прекращающаяся между ними борьба обнаруживает их соотношение, степень интенсивности и устойчивости. Как замечает П. В. Панов, такое понимание политического сообщества продуктивно не только в теоретическом плане, но и с точки зрения решения исследовательских задач[4]. В этом случае становится возможным, заверяет нас пермский политолог, выявление направлений и форм фрагментации политического сообщества, моделирование взаимоотношений между политическими сообществами разного уровня, включая взаимное проникновение, интеграцию и сегрегацию.

В мультикультурной и многоконфессиональной России, которая в силу своего геоэкономического и геостратегического положения подвержена одновременному воздействию трёх мощных цивилизаций: евроатлантической, китайской и исламской, — проблемное исследовательское поле в отношении генезиса и эволюции политических сообществ будет расширяться как минимум ближайшие два десятилетия. К этому выводу нас в том числе подводят авторы Стратегического глобального прогноза 2030, представленно-

---

[1] *Неретина С. С., Огурцов А. П.* Концепты политического сознания // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. — 2009. — № 1. — С. 102.

[2] *Кот В. С.* Политическое сообщество: генезис и эволюция. Теоретико-методологические проблемы. — М. : Мысль, 2004. — С. 11.

[3] *Deutsch K. and Burrel S. A.* The Political Community and the North Atlantic Area. Princeton: Princeton University Press, 1957. P. 129.

[4] *Панов П. В.* Политическое сообщество: конструирование и институционализация // Полис. — 2007. — № 1. — С. 98.

го в 2011 г. исследовательским коллективом Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН)[1]. Во многих странах, включая державы-лидеры, убеждены создатели указанного прогноза, идеологиям глобализации будет противостоять конфронтационное и изоляционистское мышление отдельных *сообществ* (курсив наш — Ш. К.). При этом ислам является в настоящее время и останется на прогнозный период одной из ведущих религиозных идеологий в мире, уточняют эксперты ИМЭМО РАН. Однако, как справедливо отмечает М. С. Филь, российскими учёными и чиновниками пока не накоплен достаточный опыт работы с локальными объединениями, созданными по конфессиональному признаку, к которым относится и значительная часть исламских общин[2]. В этом контексте изучение характера политического участия членов этих объединений приобретает особое значение для реализации эффективной государственной политики в области этноконфессиональных отношений и выдвигает исследования возможных проявлений политической активности приверженцев ислама в России в ряд актуальных научных задач.

Критерий принадлежности к мусульманскому сообществу выходит далеко за собственно религиозные рамки. Как уточняет авторитетный специалист по исламу А. В. Малашенко, мусульмане рассматриваются как конфессиональная общность, которая коррелируется с нерелигиозными, но политическими, географическими и этническими общностями[3]. Как самостоятельную религиозно-политическую единицу мусульманскую общину характеризует казанский ученый Р. М. Мухаметшин, доктор политических наук, ректор Российского исламского университета[4].

Как свидетельствует история, политическая сущность сообщества мусульман проявилась уже при Мухаммаде (ок. 570–632 гг.), который, как отмечал академик В. В. Бартольд, «положил начало не только религии, но и государству, и ислам при жизни своего основателя пережил процесс развития, который пережил буддизм от Шакьямуни до Ашоки, христианство — от Христа до Константина Великого»[5]. Отчасти это обусловлено и тем, что произошёл процесс «кристаллизации нового понимания бога, которое сплотило всех тех, кто разделял его, в общность нового типа»[6], ещё и усиленный способностью

---

[1] См.: Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. — М. : Магистр, 2011.

[2] *Филь М. С.* Мусульманское сообщество в России: проблемы политического участия и социальной адаптации : монография. — М. : Маркет ДС, 2006. — С. 8.

[3] См.: *Малашенко А. В.* Исламская альтернатива и исламистский проект / Моск. Центр Карнеги. — М. : Весь Мир, 2006.

[4] *Мухаметшин Р. М.* Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). — Казань: Изд-во «Фэн», 2003.

[5] *Бартольд В. В.* Ислам. Предисловие // В. В. Бартольд. Сочинения. — М. , 1966. — Т. VI. — С. 81.

[6] *Грюнебаум Г. Э.* Классический ислам. 6 001 258. — М. , 1986. — С. 27.

религии «служить не только инструментом реализации политических интересов, но и обогащать своими догмами и концепциями саму политическую реальность»[1].

Сыграв важную роль в период образования исламских национально-территориальных государств, идея политического сообщества затем утратила своё значение, вновь оказавшись востребованной на волне глобализации и перехода к постсовременности всего мусульманского мира, расширение которого становится «фактом мирового развития» . Так, за три десятилетия численность мусульман во всём мире удвоилась, достигнув к 2009 году величины в 1,57 млрд человек (23% от населения Земли). По прогнозным оценкам, к 2030 году мусульманское сообщество вырастет до 2,2 млрд человек, увеличив своё представительство на планете до 26,4%[2].

Понятие «российские мусульмане» было сформулировано выдающимся деятелем российских мусульман И. Гаспринским в 1878 г. в статье «Русское мусульманство: мысли, заметки и наблюдения». Обозначая свои основные теоретические постулаты об отношении мусульман России к русской государственности и основным направлениям реформ в мусульманском обществе, Исмаил-бей Гаспринский утверждал, что всякая такая община представляет собой миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламизма[3].

Сегодня трактовку термина «мусульманская община» применительно к российской социально-политической действительности можно встретить в широком и узком смысле. Первое значение исследователь М. С. Филь связывает с духовным сообществом всех мусульман России (что ближе к классическому понятию «умма»); второе — локальное объединение верующих, проживающих на определённой территории («махалля», «джама-ат» и т.п.), официально зарегистрированное или неформальное. Учёный-исламовед А. В. Малашенко выделяет на территории современной России два «устойчивых мусульманских ареала»[4]. С одной стороны, это — татары, башкиры и частично исламизированные народы Поволжья, которых он называет собственно российскими мусульманами и которые имели многовековой опыт проживания в составе России. С другой — мусульмане Северного Кавказа, «боровшиеся за политическую не-

---

[1] *Сычёв В. Ф.* Ислам в истории и политике Афганистана. — М. : Изд-во НИЕВ, 1997. — С.16.

[2] См.: The Future of the Global Muslim Population. Projections for 2010-2030 // The Pew Forum on Religion and Public Life. USA. January, 2011. URL: http://www.pewforum.org/The-Future-of-the-Global-Muslim-Population.aspx (дата посещения: 2.02.2012).

[3] См.: *Гаспринский И.* Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения // Этнографический обзор. — 1992. — № 5.

[4] *Малашенко А. В.* Ислам в современной России // Ислам и мусульмане в России. — М. , 1999. — С. 162.

зависимость, но постепенно входившие в российское и советское общество»[1]. Соответственно, и процессы, связанные с возрастанием роли ислама, имеют как общие для этих регионов черты, связанные с ростом самосознания этнических и религиозных меньшинств, так и особенности, обусловленные спецификой социально-экономической и политической ситуации в этих регионах обитания мусульманского населения.

Однако в начале XXI века российские мусульмане, по замечанию А. В. Малашенко, все более осознают себя единым массивом с общей (несмотря на разночтения) конфессиональной традицией, схожей историей, общими целями и общим противником. «Понятие «уль умма аль-ислямийя» — «исламская нация» — укоренено в сознании мирового мусульманства и не ставится под сомнение ни одним политиком, какого бы направления он ни придерживался», — пишет он в книге «Исламская альтернатива и исламский проект», выпущенной Московским Центром Карнеги[2].

В упомянутой статье «Русское мусульманство» И. Гаспринский заявлял: «Мне кажется, что в будущем, быть может недалёком, России суждено сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы»[3]. Миграционные процессы, произошедшие за последние десятилетия в современной России, привели к тому, что сегодня в стране нет ни одной области или республики, где не жили бы мусульмане. Это обстоятельство, по замечанию председателя Совета муфтиев России шейха муфтия Равиля Гайнутдина, выдвинуло Россию в разряд великой мусульманской державы, в которой численность мусульман больше, чем во многих мусульманских странах[4].

Впрочем, в современной литературе отсутствует единство во мнении о реальной численности мусульман в Российской Федерации[5]. Тем не менее президент РФ Д. А. Медведев в своём выступлении 23 июня 2009 года в Каире на совещании постоянных представителей стран-членов Лиги арабских государств, называя ислам неотъемлемой частью российской истории и культуры, говорит о 20 миллионах российских гражданах-мусульманах[6]. По подсчетам специалиста по исламу А. Малашенко, к 20 миллионам самоидентифицирующих себя с приверженцами ислама следует отнести не только мусульман

---

[1] *Бобровников В.* Ислам на постсоветском Северном Кавказе (Дагестан): мифы и реа-лии // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. — М. , 2001. — С. 87–88.

[2] *Малашенко А. В.* Исламская альтернатива и исламский проект»… — С. 37.

[3] *Гаспринский И.* Русское мусульманство… — С. 97.

[4] *Гайнутдин Р.* Ислам и нация / Вера. Этнос. Нация. — С. 221.

[5] См.: *Силантьев Р. А.* Ислам в современной России. Энциклопедия. — М. : Алгоритм, 2008. — С. 12.

[6] См.: Сайт Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru/transcripts/4804 (дата посещения: 2.02.2012).

России, но и лиц, проживающих на её территории[1], имея в виду мусульман-иммигрантов.

Некоторые зарубежные аналитики считают, что к концу 21 века большинство населения России с учётом демографических и миграционных факторов будут составлять мусульмане. Так, например, Русская служба Радио Ирана приводит слова советника бывшего госсекретаря США П. Губли, специализировавшегося на вопросах этнических групп СССР, который в 2006 году отметил: «На протяжении своей жизни мы станем свидетелями того, что Российская Федерация в её нынешних границах превратится в мусульманскую страну»[2]. Американские коллеги Пола Губли из исследовательской группы Pew Research Center's, специализирующейся на демографическом анализе и исследованиях по актуальным вопросам религии и общественной жизни в США и по всему миру, представившие в 2011 году доклад с более сдержанными прогнозами в отношении роста численности мусульманского сообщества России, всё же подтверждают главное: Россия в 2030 году будет и впредь иметь крупнейшую мусульманскую общину (в абсолютных цифрах) в Европе[3].

По словам главы Совета муфтиев России Р. Гайнутдина, высказанным им в 2010 году на страницах «Независимой газеты», в стране закончился этап собирания мусульманской уммы, «когда речь в основном шла о восстановлении мечетей и налаживании деятельности общин на местах»[4]. Мусульманское сообщество обрело общее духовное и географическое пространство, совпадающее с границами Российского государства. Большинство централизованных и региональных духовных управлений мусульман России «вплотную подошли к пониманию необходимости более чёткого определения своего места в сфере политических отношений»[5].

С целью изучения динамики политической активности российских мусульман автором настоящей статьи был проведён опрос экспертов из 6 федеральных округов РФ[6]. Согласно экспертным суждениям, российские мусульмане связывают свои надежды на позитивное развитие страны в большей степени

---

[1] *Малашенко А. В.* Мой ислам. — М. : РОССПЭН, 2010. — С. 12.

[2] Демография мусульман // Русская служба Радио Ирана. URL: http://russian.irib.ir/radioislam/2010-08-31-12-33-40/2010-01-13-15-03-15/item/154326 (дата посещения: 26.12.2011).

[3] См.: The Future of the Global Muslim Population…

[4] Золотая Орда и Имамат Шамиля как основа российской государственности // Независимая газета НГ Религии. — 2010. — 7 июля.

[5] *Мухаметшин Р. М.* Становление конфессиональной политики в России: опыт Татарстана // Политэкс. — 2010. — № 2. URL: http://www.politex.info/content/view/695/30 (дата посещения: 10.01.2012).

[6] Объём выборки 110 респондентов: представители мусульманских средств массовой информации и массовой коммуникации, а также светских изданий, публикующих материалы по исламской тематике (60,9% от числа всех респондентов), деятели мусульманских религиозных организаций и групп (39,1%) России. Метод исследования: анкетный опрос, электронная почтовая рассылка по формализованной анкете. Май-сентябрь 2011 г.

с политической партией «Единая Россия», чем с её конкурентами на политическом поле. Партия власти заняла верхнюю строчку рейтинга партийных предпочтений участников опроса, собрав 18,0% «голосов» мусульманского духовенства и 22,9% положительных ответов сотрудников мусульманских СМИ и МК. Однако вдвое больше экспертов из числа религиозных деятелей (38,0%) отказали в этом праве всем официально действующим в России партийным структурам (см. таблицу 1).

Таблица 1.
С какой из действующих в России политических партий мусульмане связывают свои надежды на позитивное развитие страны?

Варианты ответа	Представители мусульманских религиозных организаций, %	Представители мусульманских СМИ и МК, %
Единая Россия	18,0	22,9
КПРФ	2,0	8,3
Яблоко	2,0	0,0
Справедливая Россия	4,0	4,2
Союз правых сил	0,0	0,0
Другая партия	2,0	4,2
Ни одна из партий	38,0	37,5
Затрудняюсь ответить	34,0	22,9

С ними оказались солидарны и 37,5% экспертов—работников мусульманских медиа, среди которых оказалось значительно больше политических активистов, чем среди представителей религиозных объединений (таблица 2).

Таблица 2.
Являетесь ли Вы участником, активистом политических партий, движений?

Варианты ответа	Представители мусульманских религиозных организаций, %	Представители мусульманских СМИ и МК, %
Нет	95,8	86,7
Да	4,2	11,1
Затрудняюсь ответить	–	2,2

Как утверждала в своей работе «Мусульманское сообщество России», увидевшей свет в 2006 году, исследователь политических процессов М. С. Филь, вряд ли можно прогнозировать возникновение крупных общественных и политических объединений, созданных на основе догматов ис-

лама, в ближайшие 10–15 лет[1]. Среди оснований, позволивших ей прийти к таким достаточно скептическим оценкам, в частности, указывалось отсутствие заинтересованности влиятельных участников политического процесса в возникновении подобных структур и ограничения на создание подобных объединений, накладываемые современным российским законодательством[2]. Однако, похоже, этот прогноз уже может быть подвергнут корректировке, учитывая некоторые результаты политической модернизации России, проводившейся в завершающий период президентского правления Д. А. Медведева.

Особенно после того, как российская власть, столкнувшись с протестными настроениями в Москве и других мегаполисах страны, была вынуждена внести предложения по изменению политической системы, включая подготовку законопроектов о снижении избирательного порога для партий на выборах в Государственную Думу и упрощении их регистрации. Словно бы ею были услышаны слова А. де Токвиля, более чем полтора века назад написавшего: «Люди всегда будут выскальзывать из рук законодателя, что бы он ни предпринимал, и, выбравшись тайком через какую-нибудь лазейку из того круга, в который он хотел их загнать, они создадут бок о бок с огромным государственным образованием маленькие частные сообщества, связующие людей по сходству положений, привычек и нравов»[3].

Как следствие, на ряде российских интернет-ресурсов возобновился и активизировался дискурс готовности мусульманского сообщества к созданию собственной исламской партии, поднимавшийся неоднократно в середине 2000-х гг. В частности, он обозначался в 2006 году в документах, выпущенных информационно-аналитическим центром Совета муфтиев России в Приволжском федеральном округе и Духовным управлением мусульман Нижегородской области[4]. Авторы политических текстов, озаглавленных Манифестами, призывали к необходимости постоянного учёта внешних факторов политической жизни мирового сообщества, исламской его части, а также российской уммы для выработки собственной политической позиции, предлагали проекты формирования политического движения (партии), которое объединило бы представителей различных диаспор и организаций, защищало и лоббировало интересы всех представителей мусульманских национальностей, проживающих в Нижегородской области, стало бы центром

---

[1] *Филь М. С.* Мусульманское сообщество в России… — С. 120.

[2] Там же. — С. 80.

[3] *Токвиль Алексис де.* Указ. соч. — С. 438.

[4] См.: Манифест. Нижегородские мусульмане за укрепление Российского государства и построение гражданского общества. — Н. Новгород: Изд-во Нижегор. Исламского медресе «Махинур», 2006; Манифест. Сценарии политического представительства уммы во властных кругах Российской Федерации и насущная необходимость единения мусульманского сообщества страны. — Н. Новгород: Изд-во Нижегор. Исламского медресе «Махинур», 2006.

аккумулирования политической и гражданской активности мусульманской части населения Нижегородчины[1].

Политические процессы, обозначившиеся в стране в конце 2011 года, вернули в повестку дня проблемы политического участия активистов мусульманского сообщества России. По мнению руководителя Духовного управления мусульман Саратовской области М. Бибарсова, получившего в 1990-е годы опыт руководства исламской общественно-политической организацией «Мусульмане России»[2], партии и общественно-политические структуры, отстаивающие религиозные принципы, имеют право на существование[3]. Как полагает Мукаддас Бибарсов, для этого сегодня не обязательно создавать исламскую партию[4], может быть создано общественное движение. «Речь идёт о силе, ориентированной и отстаивающей интересы всего общества и государства с позиций общечеловеческих мусульманских ценностей. Если уж когда-то зайдёт разговор об исламской партии, то это должна быть исламская партия современного типа», — заключает М. Бибарсов.

Голос бывшего исламского политического лидера, ныне сопредседателя Совета муфтиев России М. Бибарсова не одинок в политическом дискурсе мусульманского сообщества. Возможность выдвигаться на выборах для мусульманских религиозных деятелей не исключал и муфтий Дальневосточного округа от ДУМ азиатской части России А. Ишмухаметов: «Раньше религиозные организации всегда были вне политики, но сейчас, когда общество теряет духовные ценности, возможно, пришло время и священнослужителям идти во власть. Мы пытаемся продвигать свои идеи, но представители власти к нам редко прислушиваются»[5].

С соответствующим заявлением в ходе предвыборной кампании в Государственную Думу шестого созыва выступил и председатель Попечительского комитета Совета муфтиев России Ф. Фарисов, выдвигавшийся кандидатом в депутаты от партии «Справедливая Россия»: «Впервые за всю постсоветскую историю единственная в своем роде политическая сила — партия «Справедливая Россия» — заявила о том, что готова представлять интересы мусульман, в том числе путем введения их в свои ряды. Это не стоит рас-

---

[1] Манифест. Нижегородские мусульмане… — С. 30–31.

[2] Межрегиональное общественно-политическое объединение «Мусульмане России», созданное в 1996 г., входило в числе системообразующих организаций блока «Единства», из которого впоследствии вышла «Единая Россия».

[3] *Мухаметов А. Р.* М. Бибарсов: Мусульманские партии имеют право на существование // Информационно-аналитический канал «Ансар». URL: http://www.ansar.ru/person/2012/01/23/26101 (дата посещения: 24.11.2011).

[4] Федеральный закон от 11 июля 2001 г. N 95-ФЗ «О политических партиях» накладывает ограничения на создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной и религиозной принадлежности.

[5] *Хайретдинов М.* Политизация духовенства // Минарет Ислама. — 2011. — № 1-2 (27-28).

сматривать как понижение планки «исламского фактора». Происходящее обусловлено государственным курсом на объединение, вследствие чего в российской политике происходит модификация»[1]. Данное заявление свидетельствует о появлении реальной заинтересованности влиятельных участников политического процесса в возникновении подобных структур, на отсутствие которой в 2006 году обращала внимание М. Филь.

Сегодня понятие «политическое сообщество» подвергается значительному переосмыслению. В немалой степени это происходит вследствие возникшего пересмотра самой сущности политического и политической коммуникации, в которой уже «в качестве субъектов политики, наряду с «классическими» социальными общностями (классами, нациями, иерархически организованными социальными группами), выдвигаются индивиды, взаимодействующие в сетевых структурах»[2]. Достаточно сказать, что российские мусульманские сайты реально обладают аудиторией, измеряющейся семизначными цифрами, и «молодёжь использует социальные сети для создания групп, объединения сторонников, моментальной реакции и оценки происходящих событий», — констатирует кандидат политических наук Д. В. Мухетдинов, первый заместитель председателя Духовного управления мусульман Европейской части России[3].

Информационные технологии в условиях глобализации преломляют современный исламский политический дискурс, определяют множество форм контактов российской уммы с мировым мусульманским сообществом. Неоспоримо его заметное влияние на характер политических режимов внутри стран зоны распространения ислама. «Он становится общей идеологической базой, «языком» всего объединяющегося, пробуждающегося исламского мира, уровень политической культуры которого возрастает»[4]. Этот процесс также стимулирует роль исламского мира как противовеса современной агрессивной глобалистской модели.

Подводя итог сказанному, можно предложить следующее уточнение концепта политическое сообщество у мусульман, определив его как *форму и способ самоорганизации индивидов в политическом процессе, социальных общ-*

---

[1] *Мухаметов А. Р.* Россия без мусульман – это уже не Россия! // Исламский информационный портал islam.ru. URL: http://www.islam.ru/pressclub/gost/farisov.

[2] Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под ред. Л. Н. Тимофеевой. — М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — С. 216.

[3] *Мухетдинов Д. В.* Мусульманское сообщество современной России: достижения и перспективы развития. Доклад на международной конференции «Ислам в России. Опыт межцивилизационного диалога». Санкт-Петербург. 20-21 июня 2011 г. // Сайт «Ислам в Российской Федерации» / Духовное управление мусульман Европейской части России. URL: http://islamrf.ru/news/amal/analytics/16588 (дата посещения: 27.02.2012).

[4] *Мухаметов Р. М.* Политическое самоопределение исламского мира в условиях глобализации (политические доктрины и действия). — М. Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2008 // (в свободном доступе) URL: http://www.idmedina.ru/books/islamic/?787 (дата посещения: 27.02.2012).

ностей и политико-правовых систем, объединяющихся на основе исламского вероучения для достижения общих целей и строящих свои взаимоотношения внутри уммы и с другими сообществами исходя из принципов согласия и толерантности.

Появившиеся в последнее время в России политологические работы, раскрывающие содержательную сторону и контекстуальные смыслы концепта «политическое сообщество», свидетельствуют о дальнейшей актуализации исследовательского интереса к нему. Его эвристическая значимость выражается в стремлении зафиксировать разнообразие проявлений политики, «политического», обретающих форму сообществ в современном мире, в том числе и в российском обществе[1]. Однако при всех попытках проанализировать политическое сообщество как категорию политического познания данный феномен по-прежнему остаётся открытым как для теории политики, так и для политической практики.

Список литературы

1. *Барковская Е. Ю.* Современное государство и традиции культуры управления в исламе: Монография. М. : Изд-во РАГС, 2008.

2. *Кот В. С.* Формирование современных политических сообществ. М. : Мысль, 2005.

3. *Малашенко А. В.* Исламская альтернатива и исламистский проект / Моск. Центр Карнеги. М. : Весь Мир, 2006.

4. *Неретина С. С., Огурцов А. П.* Концепты политического сознания // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009. № 1.

5. *Панов П. В.* Политическое сообщество: конструирование и институционализация // Полис. 2007. № 1.

6. Сообщества как политический феномен / [Н. В. Борисова и др.]; под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

7. *Филь М. С.* Мусульманское сообщество в России: проблемы политического участия и социальной адаптации : монография. М. : Маркет ДС, 2006.

8. *Charfi Mohamed*. Islam and Liberty. The historical misunderstanding. L. ; N. Y. , 2005.

© Кашаф Ш. Р., 2012

[1] *Плотничкина Н. В.* Рецензия на кн. «Сообщества как политический феномен» // Политическая регионалистика и исследования в регионах России. Политическая наука : Ежегодник 2010 / Российская ассоциация политической науки ; гл. ред. А. И. Соловьев. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — С. 477.